

Россия - 2003 - 3 апр - 0.24-Р5

ДОНАТАС БАНИОНИС:

Беседовала Татьяна Ясинская, Вильнюс

Донатас Банионис считает себя невероятно удачливым, почти что баловнем судьбы. Его, сына провинциального портного, воспитанника ремесленной школы, когда-то заметил и вывел на сцену сам патриарх литовского театра Юозас Мильтинис. Путевку в кино «выписал» мастер не меньшего масштаба – Витаутас Жалаквичюс. Из потенциального гончара, каких в Литве сотни, оба этих выдающихся режиссера вылепили уникального актера, ставшего обаятельным, немногословным и мужественным символом многих поколений зрителей. Он играл Гойю и Бетховена, итальянского полярника и литовского крестьянина, героев Шекспира и Экзюпери, космонавта, разведчика, президента, персонажей исторических и фантастических – около ста ролей в театре, свыше 60 – в кино.

«Из них 3–4 фильма сделали мне имя, – говорит актер. – Повезло. Послание Бога. Вместо меня другие сыграли бы лучше, я уверен. Но попал я. Считаю, что просто повезло».

Среди ролей, которые сделали литовскому актеру имя в мировом кинематографе, безусловно, и Крис Кельвин – главный герой «Соляриса» Андрея Тарковского.

– «Солярис» был снят в 1972 году. И в мае, как только закончились съемки, мы повезли его на Каннский кинофестиваль.

– До того, как вас пригласили сниматься в этой картине, вы были любителем фантастики?

– Роман Станислава Лема – не совсем обычная фантастическая литература, как мы это понимаем. В то время я любил фантастические романы, рассказы, но не могу сказать, что они сильнее, чем другие жанры литературы. Мне скорее больше нравился Достоевский.

– А когда получили предложение на съемки, что вас заинтересовало в первую очередь: имя Тарковского, роман Лема?

– Безусловно, имя Тарковского. Я уже видел «Иваново детство» и слышал, что положен на полку его следующий фильм – «Андрей Рублев». Поэтому я знал, что это очень сильный режиссер.

Когда Тарковский прислал мне в Литву сценарий «Соляриса», по правде говоря, я был им разочарован. Я читал роман Лема, и он мне понравился, как, вероятно, должен был бы понравиться любому читателю – ведь это и по сей день литература мирового класса. Но в сценарии Андрея я увидел нечто другое, чем в романе. И все равно согласился на съемку. Из-за Андрея. А когда начали работать, я понял, что замысел Тарковского не менее значим. Кстати, сам Лем тоже это признавал. Он говорил примерно в том роде, что фильм Тарковского сделан не совсем по его роману, но отнюдь не хуже, если даже не лучше оригинала. Не знаю, может, таким образом он делал Андрею вежливый комплимент, но я сам это слышал.

– Лему показывали фильм специально?

– Нет, отдельно картину ему не показывали, он ее сам где-то видел. Это была просто встреча после Каннского фестиваля, потому что поползли всякие слухи... Реакция на показ «Соляриса» во время фестиваля была очень неприятной: зрители фильм не понимали, эта история казалась им скучной, они уходили из зала, хихикали. На следующий день в газетах появились рецензии. Нам перевели статью одной французской критикессы, которая писала, что Тарковский хороший моралист и философ, но очень плохой кинематографист и ему вообще не стоит заниматься этим делом. И это несмотря на то, что «Андрей Рублев» шел во Франции, – французы купили фильм у советских кино-

Меня «обрадовали» жестоким выбором: либо ты получаешь пенсию, либо увольняешься из театра

Такие минуты покоя выпадают не часто

начальников, когда он был еще не совсем готов и потому не запрещен. Те, кто поряжался экспортом советских картин за рубеж, поспешили взять за картину немалые деньги, возвращать которые обратно, конечно, не хотелось. Так, несмотря на цензурный запрет в СССР, во Франции картина осталась. «Рублев» шел там во многих кинотеатрах. Кстати, именно поэтому Тарковского и пригласили на Каннский фестиваль с его новой работой – «Солярисом» и уже заранее говорили, что дадут ему какую-то премию в качестве моральной поддержки запрещенного «Рублева».

А реакция на картину в Каннах неожиданно оказалась негативной. Потому что в фильме нет действия, экшна, как это называют американцы. Никто никого не убивает, не взрывает, не стреляет, никаких сексуальных приключений... Зато сейчас, спустя тридцать лет, фильм стал хрестоматийным и вошел в обязательные программы всех университетов, где серьезно преподают киноискусство.

– Как Цветаева писала: «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед...»

– Вот именно. Потому что постепенно люди меняются, а Тарковский шел впереди многих. В одно время с «Солярисом», кстати, вышла

тогда «Космическая одиссея» Стэнли Кубрика, и все поневоле сравнивали эти картины, чаще приходя к выводу, что у Кубрика кино получилось интереснее, зрелищнее, эффектнее, чем у Тарковского.

– Съемки в «Солярисе» доставили вам удовольствие?

– Нет, нет... Удовольствие для меня – это хорошо поесть, вкусно выпить. В кино удовольствия нет. Работа. Служба.

– Трудно было работать?

– Как всегда, самые лучшие фильмы снимаются трудно, зачастую вопреки обстоятельствам. Потому что это не пустое реалтишоу. К тому же я в то время, в начале семидесятых, был еще неопытным киноактером, «Солярис» был всего каким-нибудь пятым-шестым моим фильмом.

– Но ведь это было уже после «Мертвого сезона» Саввы Кулиша...

– Ну да, после Кулиша.

Актер глубоко ошибается: до «Соляриса» он снялся в 11 или 12 фильмах, в том числе трижды у Жалаквичюса («Никто не хотел умирать», «Хроника одного дня», «Адомас хочет быть человеком»), у Рязанова («Берегись автомобиля»), Жебрюнаса («Маленький принц»), Колосова («Операция «Трест»), Вольфа («Гойя»), Козинцева («Ко-

роль Лир»), Калатозова («Красная палатка»).

– Вспоминаете ли вы съемки в «Солярисе», и если да, то что именно?

– Вспоминаю, пожалуй, не чаще других. Но сегодня, конечно, многие мне о нем напоминают – в связи с выходом американского «Соляриса», разумеется. Почему-то этот ремейк всколыхнул целый пласт воспоминаний о «Солярисе» Тарковского и у зрителей, и у критики. Мне привезли из Москвы видеокассету с американской версией Стивена Содеберга, и я ее посмотрел. Конечно, кассета – это не кинотеатр, впечатление не полное. И фильмы трудно сравнивать, да я и не хочу этого делать, честно говоря. Но разница есть. Уже с самого первого взгляда очевидно, что сама станция сделана намного более технично. У Андрея все кабинеты были более бытовыми, а здесь много всяких технических приспособлений – странных, страшных.

– И по бюджету это наверняка несравнимые фильмы.

– Главное – другой режиссерский взгляд. Фильм Тарковского более поэтичный. Он придавал больше значения взгляду с Земли: помните, перед тем как лететь в космос, главный герой Крис Кельвин едет к родителям, видны их отношения, дом, где он вырос, природа... У Содеберга природы вообще нет. Зато много внимания уделено отношениям Криса и его жены. Но не Хари! Там у нее другое имя почему-то. У Андрея это тоже была значительная тема, которая осталась как бы непроявленной до конца. Мы только знаем, что Хари покончила с собой – не из-за ревности, а потому, что Крис не обращал на нее достаточно внимания, погрузился в свою науку, забыл жену. Впрочем, мы так до конца и не узнаем причины...

У Содеберга Джордж Клуни играет Кельвина по-другому, у него другая задача. Я внимательно сравнивал, заново пересматривал наш старый фильм. Какой лучше, какой хуже – сказать не берусь. Кому как. Кто-то любит Баха, а кто-то – рок-концерты на тысячу слушателей. Нет, извилияюсь, не слушателей – крикунов...

– Фильм Тарковского построен на тонких взаимоотношениях героев между собой, внимательном отношении к своей памяти... Каким-то образом это повлияло на вашу дальнейшую жизнь и на общение с партнерами по фильму?

